

ИСКУССТВО БОЛЬШОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

Говорить о К. С. Станиславском — значит, как это мне представляется, говорить не только о прошлом, но, пожалуй, в равной степени и о настоящем советского театрального искусства. Творческие идеи Станиславского, 120-летие которого отмечает в эти дни общественность, представляют для нас, работников театра, эстетическую программу борьбы за искусство большой жизненной правды, за искусство сценического реализма. Являясь продолжателем великих реалистических традиций Пушкина, Гоголя, Островского, Станиславский впоследствии испытал на себе большое и плодотворное влияние Чехова и Горького. Все это вмес-

те сделало его одним из глашатая критического реализма в дореволюционной России, олицетворением лучших реалистических традиций советского театра.

Сегодня, как и в прошлом, живы эстетические принципы, провозглашенные «системой Станиславского»: они помогают успешно решать самые современные проблемы, стоящие перед театром, перед зрителем. Живым, убедительным подтверждением тому является сегодняшняя МХАТ, творчески осваивая наследие Станиславского. Этот коллектив трудится очень плодотворно, по праву считается флагманом современного реалистического театрального искусства.

Являясь, как говорил В. Маяковский, «увеличивающим стеклом» реальной жизни, театр совершенно закономерно, как и сама жизнь, находится в постоянном движении, в постоянном поиске. В известной мере это характерно и для творческой жизни театра, в котором я работаю. — Русского драматического театра.

Конечно, хорошо, когда театр идет в ногу с жизнью. Совершенно великолепно, если театр оказывается несколько впереди и превращается в ту кафедру, с которой можно поведать миру много доброго, как сказано у Н. В. Гоголя. Могу уверенно сказать, что в этом — заветная мечта любого, в том числе и

нашего театрального коллектива. Но степень приближения к ней зависит не только от наших желаний. Многогое тут обусловлено уровнем драматургии, позицией, занимаемой режиссером, художественным советом, многими другими компроизитами, наполняющими театр дыханием живой жизни.

Разумеется, худо, когда драматургия, в след за ней и театр, сосредоточивает свои усилия на освещении мелкотемья. Худо, когда подлинность конфликта, человеческие страсти, глубочайшие переживания и тонкий психологизм подменяются пресловутой похлесткой: мол, все, как в жизни. Именно тогда на подмостках обрета-

ют прописку скука, серость и то, что мы у себя в театре с достаточной степенью иронии называем «бормотательным реализмом».

Но есть и другие формы проявления все того же мелкотемья, когда заведомый пустячок облачается драматургом, в след за ним и театром, в преднамеренно до крайности усложненную форму выражения. Есть в таком спектакле все: здесь и режиссерское «самовыявление», и архисловная сцениграфия, и особое пластическое воплощение материала, и замысловатая символика, и прочее, и прочее. А зритель уходит с такого спектакля пустой, недоумевая, зачем ему все это показана

ля, подавленный тем, что театр с глубокомысленным видом усердно прячет под изысканным камуфляжем все то же мелкотемье и серость. Есть, как мне кажется, такие спектакли и в репертуаре нашего театра. Они не делают погоды, но и доброй славы театру не прибавляют.

Нет, я отнюдь не против поиска, не против разнообразия форм: я — за образный и ясный язык сценического действия, помогающий углубленному зрительскому восприятию происходящего в человеке, в реальной жизни. На мой взгляд, в русле такого поиска — новая работа нашего коллектива по ро-

ману Ч. Айтматова «Бураный полустанок».

В большинстве случаев современная драматургия и современный театр, в том числе и наш театр, свои усилия направляют на то, чтобы со сцены звучало страстное партийное слово, облеченное в высокохудожественную форму. Чтобы театр вел со зрителем серьезный, открытый разговор о больших и насущных человеческих проблемах времени. Чтобы в центре внимания оказался наш современник с его подлинными, глубокими страстями, переживаниями и поисками. На этом пути у Русского театра были и есть, как мне кажется, весьма серьезные обретения. Вспом-

ним «Кремлевские куранты» Н. Погодина с В. Ф. Каляковым в роли Ленина, «Мы, нижеподписавшиеся...» А. Гельмана, «Синие ножи на красной траве» М. Шатрова и, наконец, совсем новые у нас спектакли по пьесам А. Гельмана «Наедине со всеми» и А. Мишарина «Равняется четырем Франциям». Это подлинное и очень современное искусство! Я глубоко убежден, что по-настоящему может зажечь и взволновать сегодняшнего зрителя (как это, впрочем, бывало и прежде), произведение искусства, покоящееся на принципах высокого реализма, страстным пропагандистом которого был и остается для нас великий реформатор театра К. С. Станиславский.

Л. ЯСИНОВСКИЙ,
народный артист Киргизской ССР.